

Воробьёва О.П.
(Киев, Украина)

МОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС: ПРИЧУДЫ И ПРОЗРЕНИЯ (на материале рассказов Вирджинии Вулф)

В своё время американский лингвист и исследователь текста Уильям Фроли наполовину шутливо признался, что его мучают два вопроса: Что делает текст текстом? И почему складывается так, что, чем больше мы знаем, тем меньше понимаем друг друга? Признаюсь, эти вопросы мучают и меня, особенно сейчас, когда лингвистические и, шире, филологические студии начинают напоминать расширяющуюся вселенную, где вряд ли можно говорить о единой, целостной лингвистике. Объяснение этому, на мой взгляд, кроется в изменении характера звена, скрепляющего дисциплину изнутри. Если до определенного времени таким объединительным звеном был объект исследования — язык, речь, текст, дискурс, а новые исследовательские области возникали вследствие дробления объекта с последующей интеграцией его частей в рамках самой же лингвистики или, шире, филологии, то сейчас объединительным звеном преимущественно выступает некая исследовательская проблема, решение которой требует междисциплинарных усилий. Рождение новых лингвистик — лингвистики эмоций, лингвопсихологии, лингвистической девиатологии, лингвоконцептологии, нейронной теории языка и др., есть следствием дивергентных процессов внутри гуманитарных наук и конвергенции их отдельных областей с определенными областями естественных наук, прежде всего с психологией, физикой и биологией.

Своеобразной изюминкой современной междициплинарности можно считать её когнитологические основы. Как отмечает Е.С.Кубрякова, "почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с использованием когнитивного подхода и когнитивного анализа", что, по её мнению, свидетельствует не столько об укреплении междисциплинарных связей, сколько о распространении когнитивной методики на новые области знания [1: 7]. Именно в таком ключе ведутся когнитивные исследования художественной семантики, получившие название когнитивной поэтики, реже когнитивной стилистики или когнитивной риторики, по М.Тернеру. Ёе основы были заложены Р.Щуром, а дальнейшее развитие связывается с именами М.Фримен, М.Берка, Е.Семино, П.Стоквелла и др. Активно развивается когнитивная поэтика в

Украине (Л.И.Белехова, О.П.Воробьёва, Е.М.Кагановская, В.Г.Никонова) и в России (Н.С.Болотнова, Л.О.Бутакова, Г.Г.Молчанова, И.А.Тарасова).

В то же время, в числе когнитивных исследований художественного текста набирают обороты и собственно междисциплинарные студии, где на первый план пока выходит ограниченное количество исследовательских проблем. Среди них — проблематика художественного воплощения эмоций и порождения эмоционального резонанса в художественном восприятии, несколько эпатажная проблематика нейрокогнитивных основ художественной эстетики, а также более взвешенная, хотя и непривычная для нашего научного сообщества проблематика эвристической по своей природе интеграции в литературном тексте, идиостиле или литературном направлении художественного воображения и научной рефлексии, своеобразного научно-художественного инь-янь.

Принято считать, что именно модернизм с его ориентацией не на бытие, а на познание может служить моделью охудожествления научного поиска, моделью, которая наиболее ярко представлена в художественном дискурсе Вирджинии Вулф. Англоязычная вирджиниана включает немало публикаций, в которых акцентируется литературно-художественное переосмысление писательницей научных теорий и философских концепций её современников — А.Ейнштейна, Б.Рассела, Р.Фрайя и др. Однако благодаря своей творческой андрогинности, как гендерной, так и научно-эстетической, В.Вулф становится не только ограничиком научных знаний, но и своего рода предвестником, чьи художественные прозрения во многом спрогнозировали вектор развития современной науки.

Островки таких прозрений обнаруживаются, прежде всего, в идиосинкразической образности и символике писательницы, её стилистических "причудах", определяющих своеобразие языковой и композиционной ткани художественной прозы В.Вулф, в частности, её рассказов и зарисовок. Эвристический потенциал и языковые механизмы таких причуд становятся более очевидным в ходе лингвистической интерпретации текста в терминах поэтико-когнитивного анализа, в частности с помощью методики построения сетей — простых, зеркальных, одно-, разно- и многомасштабных — концептуальной интеграции [2: 120-135, 279-289], высвечивающих скрытые текстовые смыслы.

Причуда первая: **пятно греха**. Мотив пятна, отметины на плоской поверхности, особенно на стекле, достаточно значим для В.Вулф, прежде всего, как конденсат некоей негативной памяти. Так, в рассказе "An Unwritten Novel" (Ненаписанный роман) пятно, которое пожилая дама нервно пытается стереть с оконного стекла в поезде, становится для её попутчицы символом воображаемого тайного греха визави рассказчицы — *the stain of sin* (CSF, 115) — и толчком для своеобразного чтения и

толкования чужих мыслей. Специфика контекста "телепатического сеанса", когда рассказчица подсознательно имитирует жесты своей попутчицы, заключается в том, что он с фактологической точностью отображает поведенческий аспект, который сегодня принято трактовать в терминах действия зеркальных нейронов как механизма имитационного обучения, социализации и эмпатии. Смысловая доминанта рассказа — таинство человеческого общения — раскрывается в ходе построения зеркальной сети ментальных пространств, которая у В.Вулф охватывает не только образность её рассказа, но и его композицию.

Причуда вторая: *жидкие мысли*. Странный образ жидких мыслей — *liquid thoughts* (CSF, 226) — как ключевой в рассказе "The Fascination of the Pool" (Очарование пруда) становится менее странным и приобретает эвристическую силу, если трактовать его в терминах современной теории автопоэза, согласно которой разумным есть весь организм, все его системы, в том числе и те, которые имеют жидкую консистенцию — кровь, лимфа и т.п., а также с позиций теории воды как разумной жидкости, чья информационная структура имеет память, реагирует на мысли, эмоции и поведение человека. В этом смысле разномасштабная (*double-scope*) сеть концептуальной интеграции, где поверхность воды с её мелкой рябью и поверхность человеческого мозга уподобляются не только визуально, но и функционально, что благодаря интердискурсивным связям в ретроспективной проекции трансформирует их в многомасштабную (*multi-scope*) сеть, открывая пространство для множественных интерпретаций глубинных связей воды и человеческой жизни во всех её проявлениях.

Причуда третья: *рассекающий плавник*. Образ плавника из рассказа "The Mark on the Wall" (Пятно на стене), рассекающего воду подобно тому, как мысль познающего рассекает мир — *a world which one could slice with one's thought as a fish slices the water with his fin* (CSF, 87), оказался системообразующим не только для мировосприятия В.Вулф, но и для построения философской системы известных мыслителей современности Ж.Делёза и Ф.Гватарри. В культовой книге "Что такое философия?" они совместили парение концепта в пространстве мысли с его способностью рассекать это пространство, формируя трансдисциплинарную сеть концептуальной интеграции как основу для творческого прозрения.

Список использованных источников

1. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. — 2004. — Т.63, №3. — С. 3-12.
2. Fauconnier G. and Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. — N.Y.: Basic Books, 2002.

Список источников иллюстративного материала

CSF = The Complete Shorter Fiction of Virginia Woolf / Ed. by Susan Dick. — San Diego etc.: A Harvest Book; Harcourt, 1989 (1985).